

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ

Не так давно мне довелось сидеть за праздничным столом в приятельской компании, сплошь состоящей из привычного круга давно знакомых между собой людей, кроме одного приезжего, мужчины средних лет, обладателя представительной внешности и мягких манер, а вдобавок, как шёпотом предуведомила меня хозяйка дома Зинаида ещё в прихожей, автора нескольких фундаментальных трудов в области генной инженерии. Человек этот, будучи приглашённым на недавно проводившийся в нашем городе симпозиум, заранее сообщил Зинаиде о своём предстоящем прибытии, и та, ни на секунду не усомнившись, незамедлительно предложила ему тепло и кров, поскольку, как она пояснила, «не чужие люди», а хорошие гостиницы нынче по карману разве что нуворишам, вроде усатых торговцев привозным урюком, до сих пор щеголяющих в давно вышедших из моды кепках-аэродромах. Генетик предложение с благодарностью принял, да так и застрял в гостях, запросив уже после окончания симпозиума трёхдневный отпуск без содержания у своего начальства, а потом дополнительно продлив его ещё на целую неделю. Возможно, что такому решению способствовало отсутствие мужа Зинаиды, который как нельзя кстати находился в отпуске «на водах», где лечился от хронического гастрита. Особенно вероятным это соображение виделось в свете непринуждённого обращения между инженером и хозяйкой, которая, представляя его друзьям как «Павла Андреевича или просто Пашу», скороговоркой сообщала, что они водят дружбу ещё с институтских времён, и что ей не раз доводилось «передирать» у талантливого уже в студенческой молодости сокурсника домашние задания и контрольные работы. По тому, с какой лёгкой грацией сновала между кухней и гостиной Зинаида, вся звеня от распивавшего её изнутри горделивого восторга, и с какой ласково-снисходительной улыбкой наблюдал за её хлопотами инженер-генетик, можно было заподозрить, что эту пару связывали не одни контрольные работы. Помимо уже упомянутого хозяина и журналистки Лены, ушедшей в добровольное затворничество по причине где-то подхваченной с большим запозданием ветрянки, весь наш маленький кружок был в сборе, а это ни много ни мало одиннадцать человек. Не считая искренней симпатии и интереса друг к другу да ещё, быть может, сходного уровня образования, нас мало что объединяет: профессии почти у всех разные, семейный статус тоже, возраст варьирует в пределах семи-восьми лет, есть пары с детьми, но есть и бездетные. Это, с одной стороны, не мешает нам быть хорошими друзьями и ощущать себя органичной частью чего-то целого, а с другой – предполагает взаимное подначивание и насмешливый тон, хотя проявление того же тона в присутствии посторонних людей было бы, пожалуй, воспринято как нарушение группового этикета. В качестве иллюстрации можно привести Зинаидино оповещение о болезни Лены, сделанное вполголоса и лишь для близких подруг: та, якобы, очень хотела «хоть одним глазком взглянуть» на генетика, но, даже терзаясь от неудовлетворённого любопытства, вынуждена была отказаться, потому что корочки от ветряночной сыпи ещё не все отпали, а она не хотела, чтобы кто-либо видел ущерб, нанесённый её неземной красоте. Добавьте к этому соображение о том, что оспой нужно болеть в детстве, а «не на старости лет», то есть в тридцать четыре года, и у вас будет образец нашего стиля общения. Сразу отметим, что «просто Паша» сразу пришёлся по душе всей компании, за одним лишь исключением. Вы, конечно, подумали, что здесь-то и начинается интрига, и что человек, не разделивший заблуждений

большинства, в конце концов окажется единственным, кто верно оценил ситуацию и предугадал подлую сущность чужака? Ничуть не бывало. Павел Андреевич оказался на редкость приятным собеседником, доброжелательным и эрудированным, к тому же без всякого зазнайства, которое можно было бы предположить в авторе фундаментальных трудов. Несмотря на то, что впоследствии он выказал чрезмерную горячность в спорах, никто не придавал этому особого значения, так что и расставались мы с ним под конец вечера как добрые знакомые, не чувствуя себя сколько-нибудь обманутыми в той симпатии, которая произвольно возникала при первом же взгляде на его приветливое и открытое лицо. Что касается единственного исключения, то тут вся механика чувств лежала как на ладони и была вполне объяснимой и даже простительной, хотя её и не назовёшь похвальной. Серёжа Оганесян, сразу заявивший себя как оппозиционер в отношении всех, без изъятия, взглядов генетика, элементарно ревновал, поскольку также время от времени злоупотреблял гостеприимностью хозяйки, причём, совершенно не смущаясь присутствием её мужа. Впрочем, хотя у культурных людей и не принято говорить плохо за спинами своих товарищей, мы должны, справедливости ради, заметить, что Зинаидин муж всегда был совершеннейшим «ботаником», то есть до такой степени Паганелем, озабоченным исключительно состоянием элементарных частиц, что ни высокая, несмотря на идущий к завершению четвёртый десяток, грудь Зинаиды, ни её стройная шея, ни, в конце концов, её полновесный и необыкновенно притягательный стан не входили в сферу его интересов и не получали даже малой толики вполне заслуживаемого ими внимания.

Так или иначе, но поначалу беседа текла размеренно и мирно, тем более что, как это обычно бывает при первых встречах с малознакомыми людьми, никто и не пытался придать ей серьёзное или полемическое направление. Да наша компания и не отличается буйством и агрессивностью. Говорили о всяких пустяках, вроде недавних выборов в Америке, последствиях финансового кризиса и увядании пилотируемой космонавтики. Даже глобальное потепление, от которого, по большому счёту, никому ни жарко ни холодно, успели обсудить. Здесь, правда, обнаружилось значительное расхождение в оценках того, насколько выиграли бы от увеличения площади пахотных земель такие страны, как Канада и Россия, если бы потепление и в самом деле произошло, но любые, даже самые радикальные, мнения высказывались с подчёркнутым уважением к позициям противных сторон. Между тем, хозяйка продолжала челночные рейсы на кухню, и следует отметить, что меню на этот раз отличалось особой изысканностью. В каком-то смысле такой выбор свидетельствовал о некоторой недалёковидности, потому что, во-первых, Зинаида и без излишнего усердия никогда не разочаровывала друзей своим столом, а во-вторых, и это самое главное, Серёжа, и так лишённый некоторой доли рутинного и, в силу этого, как бы узаконенного, ухаживания, окончательно почувствовал себя разжалованным в рядовые. Мне досталось место с ним по соседству, и я уже давно обратил внимание на то, как он опрокидывал стопку за стопкой, запивая горечь обиды. В то же время, превосходным деликатесам нельзя было не отдать должное, и Оганесян в этом смысле не отставал от других, что хотя бы не позволяло ему напиваться натошак. Приблизительно между картофельными крокетами с ветчиной и лоранским пирогом его охватил азарт забияки. Несмотря на то, что пирог, по мнению Володи Чилюмова, был приготовлен с искусством, которому позавидовала бы даже уроженка Лотарингии - а уж он-то, объездивший всю Францию вдоль и поперёк во время стажировки в прошлом году, знает толк в запеканках – Серёжа Оганесян

решительным жестом отверг предложенный хозяйкой аппетитнейший ломоть и открыл военные действия следующим вопросом:

--Вот скажите мне, Павел Андреевич. Вы недавно добились введения генетической паспортизации. А где гарантия, что завтра одному из нас не запретят иметь детей на том лишь основании, что наш генетический материал не прошёл какого-нибудь из критериев отбора?

Генный инженер на секунду опешил и поперхнулся, но быстро пришёл в себя и ответил вполне дружелюбно и даже кротко:

--Видите ли, Серёжа, здесь есть несколько нюансов: я не занимаюсь паспортизацией, не определяю никаких критериев и не считаю, что есть основания бояться генетической дискриминации. Если же подойти к вашему вопросу на более общем уровне...

--Ну если и не вы лично, - возвысил голос Оганесян, - так ваши коллеги, какая разница! Всё это – сплошное неомальтузианство и даже евгеника. А вот представьте себе, что ваши родители в своё время не прошли бы отбора? Тогда вас и на свете не было бы, и не сидели бы вы сейчас с нами за столом, не ели бы второй кусок пирога!

--Я понимаю ваше возмущение, но дело в том что...

--Или возьмём перестройку генома зародыша, якобы по высшим медицинским соображениям. А может, он не хочет?

--Кто не хочет?

--Кто-кто! Зародыш. Ну, в смысле, человек, который вырастет из этого зародыша. Вы у него спросили?

--Серёжа, - всё так же кротко попытался возразить Павел Андреевич, – я не занимаюсь проблемами человеческого генома, но если поставить вопрос дихотомически...

--Как это не занимаетесь? А что же вы тогда делаете?

--Я работаю в другой области. Ну, если грубо, то в области сельского хозяйства. Спротивляемость злаков болезням и вредителям. Урожайность. Примерно так.

На этом месте Оганесяновский напор ослаб, потому что его мощному, но уже одурманенному алкоголем интеллекту требовалась время для перегруппировки и мобилизации, чем тут же воспользовалась осознавшая свой просчёт Зинаида и незамедлительно попросила Серёжу помочь ей достать из духовки фаршированного кашей гуся, чтобы прекратить неуместную перепалку. Впрочем, она распорядилась возможностью остаться с Оганесяном наедине крайне неумело и вместо того чтобы успокоить его двумя-тремя интимными касаниями, строго зашептала:

--Мурзик, ты ведёшь себя неприлично! Тебе нельзя больше пить.

Читателю может показаться странным такое обращение к кандидату технических наук, но из песни, как говорится, слова не выкинешь. Кстати, у Серёжи имеется даже более интересное прозвище для Зинаиды, но о нём я расскажу вам в другой раз, так как эта деталь не имеет отношения к нашей истории. Оганесян, как и положено нормальному

мужчине в подобной ситуации, не только не внял голосу разума, в данном случае вложенному в уста любимой женщины, но и ещё сильнее обиделся и, возвращаясь на своё место, про себя назвал Зинаиду коротко, но ёмко - настолько ёмко, что мы даже не отважimsя облечь его мысленную реплику в печатную форму. Конечно, будь на его месте какой-нибудь другой, менее горячий, человек, он мог бы истолковать высказанный упрёк совершенно иначе. Например, в том смысле, что его по-прежнему любят, и зачем сердиться и делать из мухи слона? Да, в прошлом был роман, но теперь всё кончено, а если и не совсем кончено, то это вовсе не важно: он как приехал, так и уедет, а ты будешь всегда. Словом, «он - мгновение, а вечность – ты», если слегка перефразировать певца сумеречных настроений Игоря Северянина. Но Зинаида имела дело не с кем-нибудь другим, а именно с Серёжей, да к тому же не совсем адекватным после возлияний, так что ей надлежало бы проявить больше понимания. Впрочем, плюхнувшись на стул, Оганесян притих и некоторое время мрачно молчал. За столом тем временем продолжалась беседа о генетике, подхваченная Володей, который настолько заинтересовался урожайностью, что так и сыпал вопросами. Павел Андреевич отвечал обстоятельно и вполне доступно, хотя никто из присутствующих, не считая Зинаиды, не имел глубоких познаний в биологии. Серёжа лишь один раз снова вклинился в дискуссию, заявив, что некоторые учёные относятся к повышению урожайности крайне отрицательно, ибо это затушёвываёт поистине серьёзную проблему перенаселения планеты. Против ожидания, генный инженер не стал возражать, а лишь отметил, что для решения проблемы перенаселения нужна политическая воля и отрешённость от эмоциональных стереотипов, а ни того, ни другого пока что не видно. И, принимая во внимание реальные обстоятельства, каждый должен заниматься своим делом. Дальнейшему смягчению нравов способствовал гусь с кашей, действительно заслуживавший всех тех похвал, которыми наградили за него хозяйку благодарные гости. Но уже под занавес генетической темы возник новый аспект разговора, вновь нарушив хрупкий мир. На этот раз повод для вспышки, совершенно неожиданно для себя, дала Людочка Боруцкая, длинноногая блондинка с прекрасными дерзкими глазами. «Людочка» - потому что она сама обычно так представляется, особенно при знакомстве с симпатичными мужчинами, и сегодняшнее знакомство не было исключением. Людочка работает в местном издательстве корректором. Наверное, в силу этого она отличается повышенной грамотностью и безупречным литературным вкусом – например, ненавидит Пауло Коэльо за «тупую банальность», в чём мы с ней дружно солидаризируемся. Вообще-то, Людочка человек очень тактичный и осторожный в высказываниях – но уж тут всё так совпало, что реакцию генетика никак нельзя было предположить.

--Павел, вот вы говорили, что декларация о геноме человека видит цель прикладной генетики в улучшении состояния здоровья людей и уменьшении их страданий. Между тем, некоторые писатели и даже религиозные деятели утверждают, что отсутствие страданий в мире приведёт к нравственной деградации человечества. Я-то, положим, так не считаю. А вот вы, как русский интеллигент, что думаете об этом?

Тут нашего инженера заметно перекосило, и он произнёс с натянутой улыбкой, стараясь казаться любезным:

--С удовольствием скажу вам, Людочка, что я об этом думаю, если вы согласитесь не причислять меня к русским интеллигентам.

--Я, признаться, не вполне понимаю. Вы не русский?

--Русский.

--Но не интеллигент.

--Ни в коей мере.

--Вам что, это слово кажется неблагозвучным?

--Да нет, почему же, слово как слово, не в нём дело. Слово меня устраивает. Меня компания не устраивает.

--И чем же вас не устраивает компания?

--Там маловато приличных людей - если учесть, кого в ней обычно подразумевают. А сделав поправку на масштаб пропорции, почти никого. Вот этим и не устраивает. Быть может, два века тому назад слово «интеллигент» носило положительную окраску или хотя бы нейтральную. Но только не сегодня.

--Это вы через край хватили, милейший! – вновь закусил удила Серёжа, к тому времени ощутивший себя полным лишенцем, которому уже нечего терять. – Вот я, например, хотя это, может быть, чересчур самонадеянно, считаю себя интеллигентом. И все мы, – рукою он сделал круговой жест сеятеля, слишком широкий для трезвого человека, - все мы здесь считаем себя интеллигентами.

--Безусловно, это ваша прерогатива, кем себя считать, но я, глядя на вас, не оставляю надежды, что вы заблуждаетесь.

--Постойте! Допустим, вы правы, но ведь всякое суждение должно быть обосновано, - мягко возразила Павлу Андреевичу Людочка, неожиданно проявив склонность к формальной логике, - вы согласны? Обоснуйте – тогда, быть может, и мы присоединимся к вашему мнению.

--Здесь и обосновывать нечего! – неожиданно рассердился генный инженер. – Но я попробую, хоть мне и претит доказывать самоочевидные вещи. Давайте пройдем от частного к общему.

--А давайте лучше от общего к частному, - запротестовал Оганесян, - а то вы приведёте в пример десяток подлецов, и получится, что нам нечем крыть.

--Пусть будет от общего к частному. Вот вы, Людочка, и дайте нам определение.

--Ну, я не знаю, что сказать так сразу. Наверное, в первую очередь, интеллигент – это человек образованный.

--По словам академика Лихачёва, - блеснула эрудицией Элла Штаубе, - это человек, занимающийся интеллектуальным трудом и обладающий умственной порядочностью.

Элла и Артур Штаубе – единственная в нашей команде пара, которая даже в фуршетной фазе вечеринок перемещается только вместе. Все остальные, едва переступив порог, разделяются, чтобы встретиться лишь перед уходом домой - если, конечно, не возникает какой-то ситуации, требующей общего участия. Вектор движения тандема Штаубе при этом всегда определяет Элла – миниатюрная брюнетка с чуть заметным пушком над

верхней губой, что, впрочем, нисколько не портит её внешности и даже придаёт ей подтекст чувственности. Во всяком случае, когда она около года тому назад попробовала обесцвечивать свои усики, все мужчины, не считая, разумеется, Артура, который по понятной причине не был вовлечён в обсуждение и голосование, нашли, что Элла не выиграла от перемены. Между прочим, она и сама скоро отказалась от обновлённого образа, и это только делает ей честь – по моим наблюдениям, женщины наиболее упорствуют как раз в том, что им не идёт. В движении супруги Штаубе напоминают буксир и баржу. За юркой, но хорошо держащей курс Эллой следует высокий, крупный и симпатичный, но немного вялый Артур. В разговорах происходит то же самое - Артур обычно представляет группу поддержки. Вот и сейчас он с готовностью продемонстрировал чувство локтя:

--Лучше и не скажешь!

--Присоединяюсь! – отозвалась Людочка. – Но я хочу добавить. Это должен быть ещё и передвижник, носитель просветительских идей и нравственных идеалов. Вы, Павел Андреевич, согласны?

--Более чем. Особенно про носителей нравственных идеалов вы удачно заметили. Интеллигенты постоянно носят нравственные идеалы у себя в сумке, как старуха Шапокляк крысу Лариску. И приспособливают их, по мере надобности, к текущей ситуации. К этому могу ещё добавить, что у типичного интеллигента правосознание на уровне пещерного человека, а то и вовсе никакого нет.

--Ну, это уж ерунда какая-то! – отбросив всякую учтивость, воскликнул Серёжа.

--По-моему, - возразила Элла, - вы на интеллигенцию клеветаете. Что даёт вам основание...

--Да вот, смотрите сами! – нетерпеливо перебивая собеседницу, воскликнул инженер. – Смотрите! Лихачёв – интеллигент?

--Интеллигент, - подтвердила Элла.

Некоторые другие участники разговора тоже покивали согласно – интеллигент, мол, интеллигент до мозга костей, какие могут быть сомнения?

--Так вот. Сразу после октябрьского расстрела Дома Советов в девяносто третьем году, ещё до того, как из здания успели вынести трупы убитых и отмыть стены от крови, этот ваш интеллигент в компании с другими интеллигентами напечатал в газете «Известия» открытое письмо президенту, требуя репрессий. Призывал Ельцина перейти от разговоров к конкретным поступкам. Мол, раз тупые негодяи уважают только силу, так и нужно её применить, а то - что за сплунтяйство? Всего-то каких-нибудь несколько сотен человек погибло. Как вам позиция Лихачёва? При том, что антиконституционными были действия президента, а не парламента. Вот это и есть типичный интеллигентский подход: судить не по кодексу, а «по правде».

--Эти, в Верховном Совете, тоже были хороши! – парировала Элла.

--Наверное. Также хороши. А почему бы они были не хороши? Они там тоже были сплошь интеллигенты, только другой масти. Да только закон всё же стоял на их стороне.

--Правда, было что-то такое. А кто ещё подписывал это письмо? – спросил Серёжа Оганесян. - Совсем не помню.

--Я тоже всех не припомню, - после небольшой паузы отозвался Павел Андреевич. - Точно знаю, что подписали Астафьев, Окуджава, Ахмадулина, Приставкин, Бакланов и Гельман.

--Вот сволочи! – озадаченно сказал Оганесян, разочарованный столь прискорбным поведением своих недостойных подзащитных. – А у меня ещё и пластинки этого Окуджавы есть. Сейчас приду домой и выкину к чёртовой матери.

--Верно, так оно и было, – кивнул Володя. - Меня в октябре девяносто третьего собирались в Москву командировать, но заказчики перенесли сроки, и я только рад был, что эту заваруху вижу по телевизору, а не наяву. А потом интервью с Аксёновым показали – про то, как он сильно переживает, что не в России сейчас. А то бы, дескать, тоже подписал.

--Кстати, - продолжил генный инженер, - этот ваш Лихачёв, хоть и обласкан был впоследствии советской властью, но в далёкие тридцатые годы успел в лагерях посидеть и даже на знаменитом Беломорканале поработать за участие в подпольном студенческом кружке. Так что у него был шанс встретиться с целой плеядой своих вольных собратьев по интеллигентскому сословию, потому что тогда на стройку приезжала писательская бригада с Максимом Горьким во главе - с целью получения творческого импульса. Перед литераторами ставились две ответственные задачи: воспеть рабский труд каналоармейцев и прославить мудрость товарища Сталина. И, в общем, они блестяще справились и с той, и с другой, поскольку все как один - гении и интеллигенты. Только послушайте, какие имена: Зощенко, Шкловский, Катаев, Ильф и Петров, Алексей Толстой, Вера Инбер, Всеволод Иванов. Впрочем, если встреча и состоялась, то никаких исторических свидетельств о ней нет. Так что мы не узнаем, помогли ли писатели Лихачёву «перековаться», или ему пришлось это делать самостоятельно.

--Это какая Инбер? – спросил, наморщив лоб, Артур. – Та, что ли, о которой Маяковский написал «Ах, у Инбер, ах, у Инбер...»?

Элла слегка нахмурилась, услышав реплику мужа, а Павел Андреевич подтвердил его догадку.

--Та самая. Маяковского, впрочем, тоже охотно причисляют к «цвету русской интеллигенции». Учитывая, что Маяковский мог на банкете запросто подсесть к любому столу, даже если люди были ему незнакомы, и начать есть из чужих тарелок и пить из чужих бокалов, возразить на это нечего.

--Не подумала бы, - сказала Людочка, - что Зощенко мог славить рабский труд. И вообще, разве это его жанр? Он же писатель-юморист!

--Вот он с юмором о Беломорканале и написал. Да вы найдите этот рассказ, прочтите и убедитесь. «История одной жизни» называется. Когда в сорок шестом году Зощенко начали травить его бывшие товарищи, он очень удивился: как же так, братцы, я же свой! Даже Сталина пытался разжалобить верноподданническим покаянным письмом. И есть чему удивляться, ведь вправду свой. Хотя по уровню лизоблюдства Зощенко, безусловно,

сильно уступал другим интеллигентам: не слагал о Сталине песен и гимнов, как Глейзаров и Михалков, не посвящал ему од, как Мандельштам, не писал о нём пьес, как Булгаков. И даже стихотворными дифирамбами не курил фимиама, как многочисленные другие мастера художественного слова, от Пастернака до Евтушенко. Куда уж ему до них, а тем более до «Красного графа» Алексея Толстого, который не только придумал тост «За Родину! За Сталина!», впоследствии ставший военным лозунгом, но и целый аллегорический роман о вожде написал по его же заказу. Да притом ещё утверждал, будто в процессе работы нашёл исторические документы, достоверно свидетельствующие о том, что Пётр Первый был наполовину грузином – это уж высший пилотаж, такое не каждому по силам! Но вот что заслуживает внимания: в те жуткие времена раболепие могло спасти от тюрьмы или смерти и при всей внешней неприглядности не всегда заслуживало осуждения. Ахматова после ареста сына тоже опубликовала сладкоречивые стихи о лучшем друге писателей, но сделала это, по всей вероятности, в надежде на некоторое снисхождение властей или хотя бы на облегчение лагерного режима. А вот, по контрасту, пример из современности. Вы слышали, как о Ельцине отзывался Гердт – был такой лицедей, если кто помнит. Не слышали? А вы поищите его панегирики, я уверен, что найдёте где-нибудь в интернете, они того стоят. Я, любопытства ради, в своё время прочёл почти всё, что наши «инженеры человеческих душ» когда-либо написали о Сталине, но такой беззастенчивой и даже низкой лести нигде не встречал. Когда-то мне очень нравился Гердт в «Золотом телёнке»: казалось, вот как замечательно он вжился в образ! А после истории с Ельциным я осознал, что Паниковского ему и играть не нужно было - он и есть натуральный Паниковский с гусем; его просто пригласили пожить немного на съёмочной площадке...

--Я, конечно, не знаю, но, может, Гердт, говоря о Ельцине, ничего такого и не имел в виду! – возмутилась Элла. – Может, он над президентом утончённо издевался – что называется, «умный поймёт».

--Может! – весело согласился генетик и даже хихикнул от удовольствия. – Вот вам и ещё одна типичная черта интеллигенции: готовность показывать сильным мира сего кукиш в кармане и в то же самое время пресмыкаться в расчёте на милости и подачки. Это вы очень верно подметили. Показное фрондёрство – их фирменный знак, без этого никак нельзя, а то, пожалуй, соратники презирают. Любую власть нужно как бы ни во что не ставить - разумеется, только в том случае, когда власть слишком гуманна, чтобы дать сдачи, а особенно, если она слаба или уже одряхлела. Пинать беззубого льва – это «штатный» интеллигентский подвиг, всё равно как для верующего – паломничество к святым местам.

--Не слишком ли категорично? - вмешалась в разговор Людочка Боруцкая. - Возможно, кое в чём вы правы, и после переворота семнадцатого года действительно произошло вырождение прекрасных традиций русской интеллигенции. Но зачем же очернять всю интеллигенцию как сословие? Вот, например, возьмите Чехова...

Павел Андреевич, услышав о Чехове, подался вперёд и громко воскликнул с некоторым даже восхищением, так что Зинаидин спаниель Тузик, до этого мирно дремлющий в углу гостиной, проснулся и негодуя залаял.

--Прекрасный выбор, Людочка! Прекрасный! Чехов – это именно что настоящий русский интеллигент, прямо-таки хрестоматийный, о чём есть и соответствующее свидетельство другого интеллигента, Гиляровского:

Чехов и «дядя Гиляй» ехали вместе на извозчике по Страстной площади в Москве. Около овощного магазина остановились, купили завернутый в старые газеты солёный арбуз, поехали дальше. От держания холодного арбуза на морозе у Чехова замёрзли руки. Гиляровский вызвался помочь, но и сам через пять минут запросил пощады и предложил выбросить арбуз. Тут Чехов заметил городского и предложил отдать арбуз ему. Гиляровский остановил извозчика и поманил к себе пальцем городского:

--На, держи, только осто...

Чехов, перебивая Гиляровского, трагическим шёпотом продолжил:

--Осторожно, это бомба... Неси её в участок.

--Да не урони гляди! — строго добавил Гиляровский.

--Понимаю, ваш выскородие. - От страха у городского стучали зубы.

На следующий день шутники узнали, что их «бомба» произвела в участке переполох. Чиновники, испугавшись взрыва, разбежались. Держась на безопасном расстоянии, собралась толпа зевак. Явились агенты охранного отделения. Вызвали офицера, специалиста по взрывчатым устройствам. Опасения были вполне понятны: в тот период террористы часто совершали покушения на государственных деятелей. В общем, интеллигенты чуть животы не надорвали, смеясь. Особенно комичен был городской с побелевшими от ужаса губами – верно, представлял себе, проклятый царский сатрап, как его окровавленные клочки оплакивают жена и дети...

--Неужели правда? – округлила глаза Людочка. – Да, поневоле задумаешься.

--А жалко, - внёс свою лепту в разговор мечтательный Володя Чилюмов, - жалко, что на свете нет такой штуки, как машина времени. Хорошо было бы посадить в неё Чехова, да и подвезти, как на извозчике, на Дубровку - на следующий день после теракта. И пусть бы он там со спецназовцами пошутил – они бы по достоинству оценили его тонкое чувство юмора.

Некоторые из сидящих за столом засмеялись, представив такую перспективу, а Павел Андреевич продолжил:

--Между прочим, этот случай высвечивает ещё одно качество интеллигенции - неспособность отождествления. Я имею в виду, что можно быть каким угодно интеллектуалом, неприязненно относиться к всевозможному быдлу, ненавидеть хамство и всё-таки, несмотря на это, остро ощущать, что облёванный бомж в подворотне – это твой брат. И даже не брат: это, в сущности, ты сам. Вы с ним растёте из одного корня, и в том, что он обделён способностями, умом и элементарным трудолюбием, нет его вины, как нет и твоей заслуги в том, что ты щедрее одарён талантами. Но интеллигент глух к голосу крови и не чувствует родства, он видит в себе возвышенного пастыря, брезгливо несущего свет «диктатуры духа» в тупые массы. По этой логике он, само собой, заслуживает особого отношения – ведь он же лучше, чем «простые люди», ему

«положено». Как подумаешь об этом, так и вспомнишь, невольно, академика Сахарова – вот он, такой возвышенный, такой трогательно беспомощный, расталкивает терпеливую очередь к микрофону в зале Верховного Совета, а в ответ на робкие возражения повторяет, как мантру, одну и ту же фразу: «Мне – можно!». Да уж, конечно, можно - кто бы сомневался? Интеллигенту – можно!

--А как же жертвенность интеллигенции? – не сдавалась Элла.

--И в чём она проявилась, эта жертвенность?

--В борьбе за народное счастье, наверное, - после некоторой паузы ответил Артур за растерявшуюся Эльзу, которая не смогла собственными силами достаточно быстро найти приемлемую формулу, но, услышав тезис мужа, покраснела от досады и ещё сильнее расстроилась, предвидя полный разгром.

--Это да, - с радостной готовностью не замедлил откликнуться Павел Андреевич, - они большие специалисты по народному счастью. Так осчастливили страну, что мы до сих пор опомниться не можем. Единственное, что можно сказать им в оправдание - они никогда особенно и не таились. Все их повадки были на виду уже в середине девятнадцатого века, да и дальше проявлялись вполне последовательно - то в травле Лескова, то в аплодисментах оправдательному приговору Вере Засулич, после того как эта фанатичка тяжело ранила петербургского градоначальника Трепова из револьвера-бульдога, то в бойкоте государственной думы.

--Да он же реакционер, этот Лесков, - воскликнул с негодованием Серёжа Оганесян. - И правильно ему либерально-демократическая общественность выразила осуждение.

--Чем же правильно? Объясните мне, пожалуйста. Насколько я знаю, Лесков поплатился только за то, что в своей статье о петербургских пожарах настаивал на независимости следствия и требовал освещения всех версий, обрабатываемых полицией. Всех – значит, и той, что пожары – результат намеренного саботажа революционно настроенных студенческих кругов, и именно это допущение вызвало гнев интеллигентов – как же, «наших бьют»! Истина интересовала Писарева и его соратников, бойкотировавших Лескова, лишь постольку поскольку - главное, чтобы все демократы шагали в ногу. Поэтому чересчур независимый журналист, не разделяющий негласного сословного устава, заслуживал, по их мнению, обструкции и звания «злостного ретрограда». Я считаю, что либеральная цензура, освящённая клятвами в верности идеалам, несравненно гнуснее любой казённой, и эта история - не что иное, как иллюстрация полного отсутствия у интеллигенции качества, которое Ницше называет «интеллектуальной совестью». Посмотрите с этой точки зрения на любые нынешние «высоколобые» теледебаты – там всё то же самое, ничего не изменилось.

Серёжа Оганесян вконец рассердился.

--Вас послушать, - заявил Серёжа, - так достойных людей и вовсе не бывало, ни в наше время, ни раньше.

--Отнюдь! – возразил Павел Андреевич. – Я всего лишь утверждаю, что «интеллигент» не есть синоним «достойного человека», а, пожалуй что, и наоборот. Что касается вырождения традиций после семнадцатого года, Людочка, то здесь, мне кажется, всё

обстоит несколько иначе. Ведь само это слово стало употребительным только в девятнадцатом веке, причём, заметьте, что никто из выдающихся представителей национальной культуры того времени не считал и не называл себя интеллигентом – ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Гоголь, ни Достоевский. Иные из наших талантливых современников тоже отнюдь не любят, когда их называют интеллигентами. Лев Гумилёв, например, однажды очень оскорбился таким эпитетом: «Какой я вам интеллигент? У меня профессия есть!»

--А вам не обидно будет, если русские интеллигенты переведутся? – спросила Людочка. – Всё же уникальный российский феномен. Каким бы ни было это явление, не обеднеем ли мы, если оно совсем исчезнет?

--Э, Людочка, бросьте! Что в нём уникального? За границей полно своих интеллигентов – правда, они себя так не называют, но ведь не в названии же суть, верно? Вот хотя бы Энрико Ферми. Вы же знаете Ферми?

--Ну не так, чтобы лично была знакома, - надула губки наша белокурая бестия, заподозрив генетика в стереотипных предрассудках относительно красивых блондинок, - но слышала что-то такое. Про атомную бомбу и Нагасаки с Хиросимой, ага. Припоминаю смутно.

--Не обижайтесь, Людочка, просто это очень важно, что именно про Нагасаки с Хиросимой. Знаете, что сказал Энрико своим более щепетильным коллегам про испытание атомной бомбы на живых мишенях? «Не надоедайте мне с вашими терзаниями совести, это всего лишь прекрасная физика.» Законченный интеллигент, вы не находите? До того как эмигрировать в Соединённые Штаты и принять участие в Манхэттенском проекте, «его превосходительство член Королевской академии Италии», как в то время величался Ферми, был обласкан дуче и ни капельки не жаловался на «свинцовую мерзость» режима, оказывающего ему множество знаков внимания. Впоследствии учёный разыграл «антифашистскую карту» и стал считаться чуть ли не политическим диссидентом, бежавшим из страны в знак неприятия «расовых» законов тридцать шестого года. Но хронология событий внушает сомнения в достоверности этой версии. Уже в тридцать седьмом году, то есть много позже введения новых законов, Ферми обратился к Муссолини с просьбой об организации под своим руководством Института ядерной физики. Проект был отклонён, и, кстати, вовсе не потому что дуче перестал покровительствовать Энрико, а лишь из-за чрезвычайно масштабных, по тогдашним понятиям, требований к уровню финансирования – и только после отказа в государственных дотациях Ферми внезапно становится невозвращенцем и просит политического убежища. Кошелёк у новых покровителей интеллигента был, бесспорно, толще - Италия едва ли могла конкурировать с Америкой в области капиталовложений в дорогостоящие научные проекты. Но если бы, паче чаяния, итальянские власти в своё время всё-таки согласились поддержать начинание Энрико, то первыми получателями авиапосылки с «прекрасной физикой» внутри, возможно, стали бы не японцы, а жители одного из городов Восточной Европы. Вот, собственно и всё, что я хотел сказать.

--Вы нас не убедили! – воскликнул Оганесян. - Нисколечко не убедили!

--Да я и не задавался такой целью, Серёжа, - ответил Павел Андреевич очень примирительно и даже как-то ласково. – Но вы меня выслушали, и я вам за это очень

признателен - а ведь настоящий интеллигент и слушать бы не стал! Впрочем, - добавил он, немного помолчав, – я уверен, что, несмотря на некоторую разницу в мироощущении, общего между нами гораздо больше, чем разделяющих мелочей.

Последние слова генетика заставили Оганесяна бросить взгляд на Зинаиду, которая, слегка нагнувшись, меняла компакт-диск в проигрывателе и, в этой позе, одетая в короткое облегающее платье из красного трикотажа и чёрные чулки, выглядела просто сногшибательно. Кто знает, о чём подумал в тот момент Серёжа, но он, во всяком случае, не стал продолжать спора, а тихо покачал головой и промолчал. Да и вообще, все немного подустали от конфронтации и поэтому вздохнули с облегчением, когда Зинаида включила наконец какую-то Чумбавамбу и объявила, что вынутый из духовки десерт опоздавших ждать не будет. На том всё и успокоилось и уже до конца застолья было хорошо и безмятежно. Генный инженер всё-таки рассказал Людочке, почему он принципиально не верит в мир без страданий, развеяв у неё всякие сомнения насчёт угрозы для человеческой нравственности в связи с завершающейся работой над геномом. И даже куда более дружелюбные, но всё ещё содержавшие изрядную долю яда иронические реплики начавшего трезветь Серёжи Оганесяна, не столько отравляли застольную атмосферу, сколько придавали ей приятную остроту. Тем и закончился этот вечер, а вскоре, как и следовало ожидать, жизнь пошла по накатанной, и даже Серёжины визиты к Зинаиде не замедлили возобновиться, в чём я всего лишь через несколько дней мог убедиться лично, возвращая позаимствованный у неё ранее зонтик. Поспешно выскочивший из прихожей Серёжа чуть не столкнулся со мной на крыльчке, напоминая лицом кота, обожравшегося сметаны, что уже само по себе было достаточно красноречивым свидетельством. Можно также предположить, что практическое примирение сторон заняло более длительное время, чем планировалось, поскольку я заранее предупредил хозяйку о времени своего прихода, а Оганесян достаточно бережно относится к репутации Зинаидиногo мужа и предпочитает не мелькать рядом с нею, чтобы не давать знакомым повода для сплетен. Честно говоря, я бы и не знал о Серёжином романе, если бы сама Зинаида не давала мне подробных и порою довольно откровенных отчётов - как, впрочем, произошло и на этот раз. Кстати, во время нашей последней встречи она утверждала, что Оганесян оказался более восприимчив к идеям инженерного генетика, чем могло бы на первый взгляд показаться, во всяком случае, он совершенно перестал называть себя интеллигентом и даже невольно морщится, если его называют так другие люди, хотя и не выражает своих возражений вслух.